

«Платье очень красивое». сказала она, покраснев. Девочки замолчали и с любопытством уставились на нее, их глаза зловеще блестели.

Почувствовав желание сохранить лицо, она попыталась повторить попытку, но в бешенстве бездумно пролепетала: «Платье, я имею в виду. От смущения у нее закипело в животе, и она почувствовала тошноту и головокружение. Пристальные взгляды стали физически ощутимыми в своей гнетущей сосредоточенности.

Она не заплачет, поклялась она, только не перед всеми этими людьми. Она сжала челюсти, стиснув зубы от жара, скопившегося в глазах. Как только забрезжила надежда, что ее ошибка будет забыта и разговор продолжится, позади нее раздалось хихиканье, от которого у нее свело живот. От этого звука плотину прорвало, и раздался обидный смех.

Не оглядываясь назад, она повернулась на пятках и быстрым шагом направилась в свою комнату, где всерьез подумывала остаться до конца семестра. Несколько запирающих чар спустя она обнаружила, что на ковре осталась колея, а сама она топталась взад-вперед по своей комнате.

Сердце колотилось в груди, а в животе заныло. Учеба в школе и без того была нелегкой, а то, что ее заикание стало достоянием гласности, еще больше усугубило бы ситуацию.

Шагая по комнате, она приблизилась к стене, где стояла ее виолончель. При виде ее сердцебиение замедлилось, а затекшие ноги отдохнули от волнения. Инструмент был ее самым счастливым сокровищем и близким другом во время долгой разлуки с семьей. Зудящие пальцы дернулись в сторону прибора, когда девушка поняла, что эмоции, скопившиеся внутри, требуют выхода.

Флер вздохнула и потянулась за своим инструментом и смычком. С любовью взяв их в руки, она поднесла их к креслу у окна общежития, откуда можно было наблюдать за окрестностями. Сев на стул, она приспособила инструмент на свое место. Взмахнув палочкой и пробормотав заклинание, она наложила на дверь заглушающие чары.

Уверенными и ловкими движениями она перебирала струны: ребристая и шероховатая текстура ложилась на подушечки ее тонких пальцев. Ударив по четвертой струне, девушка приостановилась, услышав в воздухе слегка кислую ноту. Она послушно провела проворными пальцами по тонкому тюнеру, прикрепленному к мундштуку, чтобы подтянуть струну, и еще один щипок выявил ее успех - она зазвенела мелодично и верно.

После еще нескольких мелких регулировок и подкручивания колка для второй струны она осталась довольна. Она слишком давно не играла. Вихревые недели, в течение которых она пыталась выбить себе место в дуэльной команде и свою более значимую роль в школе, были очень утомительными. Она пренебрегала своим инструментом и собой.

Пробормотав клятву не быть такой недальновидной в будущем, Флер провела смычком по струнам, извлекая из них звук, который всегда казался ей меланхоличным.

Она дала ноте дойти до своего естественного конца, прежде чем начать играть всерьез. Поток чувств, который так и норовил вырваться наружу, наконец-то получил выход, и удушливое ощущение в горле ослабло.

Флер сосредоточилась на нотах, отбросив все другие мысли и соображения, сосредоточившись на звуке, который она могла извлечь из своей виолончели. Кончики пальцев левой руки быстро нажимали на струны, расположенные над грифом, и от скользящего нажима менялась высота тона, когда струна отражалась от прохода смычка.

Слегка наклонившись вперед, девушка играла тихо и медленно, и ее музыка уносилась в ночь, чтобы умереть под звездами. Ее пальцы и смычок танцевали на струнах, ненадолго встречаясь, но затем расходясь, словно заблудшие друзья или заплутавшие влюбленные.

Темп музыки менялся по мере того, как она переходила на более быстрый шаг, сохраняя при этом замысловатость и точность движений. В конце концов скорость ее игры, горечь, оттененная яростным унынием, сломала лед, застывший в ее животе, вырвав наружу то, что она не могла показать, то, что не смела чувствовать при людях.

Нежданно-негаданно по фарфоровой щеке заблестела капля воды. Девушка вылила в музыку то, что не могла сказать словами, и ноты рассыпались, как нити, трепетные и сильные в своей хрупкости.

Рана на ее самолюбии начала закрываться, и она почувствовала себя глупо за столь бурную реакцию на простую ошибку с ее стороны. Она будет больше тренироваться - и в игре на виолончели, и в речи. Она поступила глупо, забыв слова своей матери, сказанные все эти годы назад.

Вместо того чтобы искать признания у тех, кто не желает его дать, она постарается гордиться тем, что умеет делать. Ей не нужно было хлипкое, ломкое товарищество, способное вырваться или сорваться при малейшей оплошности с ее стороны.

Она может научиться гордиться собой, независимо от мнения окружающих.

Англия была холодной и несчастной, и Флёр Делакур, чемпионка Шармбатона по Тривизарду, тоже, несмотря на все блага, которые принес ей этот титул. Гигантский каменный замок был таким же негостеприимным, как и его обитатели, а делегация ее школы была так же благосклонна к «существу Веелы», как Хогвартс - к Гарри Поттеру.

Она скучала по своей семье, особенно по сестре. То короткое время, что она видела их в этом году, было наполнено тревогой и паникой. После второго задания они не стали задерживаться, так как ее матери по понятным причинам не терпелось вернуть Габриэль домой.

Длинными шагами женщина шла по берегу Черного озера, глядя на воду, которая стала источником кошмаров с тех пор, как она провалила задание. Весь турнир ее гордость была ужасно уязвлена, но это, несомненно, было ее коронным достижением.

Весь год был сплошной катастрофой. Даже облегчение от осознания того, что подавляющее большинство Хогвартса практически ничего не знает о Вееле, а значит, и о ее природе, было недолгим после осознания того, что это означает, что она желанна для них.

То, что поначалу было лестным, быстро стало нежелательным. Внимание недолго оставалось положительным, а затем стало навязчивым, расчетливым и жестким. Гордость, за которую она держалась как за щит, и дистанция, которую она поставила между собой и своими сверстниками, привели к тому, что на ее спине появилась мишень другого рода. С тех пор критика стала ее подстилкой.

Уже не в первый раз Флер почувствовала волну облегчения от того, что ее верные друзья были рядом с ней в этот поистине несчастливый год. Натали и Жозефина были теми немногими, на кого она могла положиться. Жозефина была магглорожденной и поэтому не питала особых предубеждений к так называемым «темным существам», а мать Натали втайне страдала от ликантропии. Обе девушки оказывали посильную поддержку в течение всего года.

Глубоко задумавшись, девушка не сразу поняла, что она не одна. У дальнего берега Черного озера, скрытый качающейся ивой, стоял молодой человек. У него были вороненные локоны и очки; он был небольшого роста, но с большим сердцем. Она сразу же узнала его.

Остановившись, она молча рассматривала Гарри Поттера издали. В течение года она общалась с ним лишь мельком, и со второго задания её поведение вызывало у неё чувство стыда. Постепенно, наблюдая за ним более проницательным взглядом, она стала больше понимать о нем.

Ей было хорошо знакомо то, как он сторонился групп, как обожающих, так и злобных. Она читала газеты, в которых клеветали на него и тех, о ком он заботился, и наблюдала, как он самоотверженно спасает тех, кого называл конкурентами, без всякой причины, кроме как считая это правильным. Она плакала, когда он вернулся, прижимая к себе тело Седрика, сгорбившись над остывающим трупом и не позволяя никому приблизиться. Тогда-то и начались рассказы о его подвигах. Шепотом передаваемые слухи о прошлых деяниях превратились в проливной поток информации. Сердце Флер сжалось от горя.

<http://tl.rulate.ru/book/117297/4672093>